СТЕВАРТ С ПАВЛИНАМИ Эдуарда Дробицкого

Вер. Москва. – 1994. – 29 окт. – С. 4.

В Центральном Доме художника недавно открылась выставка «Тринадцати непокорных». Так Москва отмечает двадцатилетие печально знаменитой «бульдозерной» выставки. Тогда, в 1974 году, советский художнический андеграунд впервые сделал попытку открыто заявить о себе. А на него бульдозером в прямом смысле слова. Закопать и чтоб ни-ни. Но, собственно, я не о самой выставке, хотя, как вы понимаете, там есть на что посмотреть. Представлены и Сергей Бордачев, и Иван Новожёнов, и еще десять знаменитых вкупе с Сальвадором Дали, которого «непокорные» на равных и по праву пригласили в свою компанию.

Это заметное событие в культурной жизни Москвы дало мне формальный повод посетить еще одного участника выставки «непокорных» Эдуарда Дробицкого. Его имя хорошо известно. Президент Союза художников и графиков, он, может быть, самый непокорный в числе своих единомышленников: несколько лет назад взбунтовался, объединив бывший андеграунд в противовес «покорному», совковой идеологической выучки, официозному Союзу.

Хочу, однако, рассказать не об известном живописце и графике – о человеке, прославившемся помимо своего таланта еще и совсем другого рода бунтом во времена Брежнева и Андропова. А об этом знают немногие.

Интересность моей ситуации еще и в том, что в 70-е годы судьба свела нас в одной странной конторе – рекламном отделе «Союзпечати». Эдуард Николаевич выполнял здесь заказные плакаты, спасая тем свою коллекцию живописи от вынужденной продажи за рубеж. Единственно, чем отводили душу, так это анекдотами, чаще о незабвенном Леониде Ильиче. Мы совсем не подозревали, что автором многих из них был... Эдуард Николаевич. Правда, и узнала я об этом совсем недавно, прочитав в «Энциклопедии хулиганствующего ортодокса» Иосифа Раскина «Послание советских демократов президенту США Рональду Рейгану». И именно Иосиф Захарович сказал мне, что его автор – Эдуард Дробицкий.

Анекдот, как известно, вещь анонимная, или по-другому – творчество масс. А тут вот он, автор, да еще сам Эдуард Дробицкий. Был и еще интересный момент: все свои анекдоты про Брежнева художник сам же рассказывал голосом пятизвездного героя. В этом, собственно, и заключалась их особая прелесть, делало их совершенно неотразимыми, но и жутко опасными для автора.

Уже придя в мастерскую Эдуарда Николаевича, я узнала, что «Письмо советских демократов» было им записано на пленку, которую долгие годы хранил у себя дома его друг – артист Кирилл Столяров. Цитировать этот длинный спич Леонида Ильича, исполненный голосом художника, я не буду. Его, как вы понимаете, надо слушать в исполнении «первого демократа» 70-х годов, чья речь была неотразимой в смысле дикции и знания русского языка. И потом, знаете, нестандартная лексика да еще в устах «Брежнева»... Найди гэбисты тогда эту пленку, быть бы Дробицкому там, куда диссидентов отправляли пачками. А КГБ знало о ее существовании, по Москве ходили копии. Но Эдуарда Николаевича спасло, быть может, такое обстоятельство: мало кто из гэбистов мог заподозрить в антисоветском «хулиганстве» того, кому и кисти было достаточно для выражения бунта против режима. Они были уверены, что художник только рисует, а пишут только писатели. Они ведь интеллектуальные у нас, чекисты.

Анекдоты я запоминаю плохо и прошу Эдуарда Николаевича прочитать что-нибудь «Брежневым». Читает, говорит, что может не только «Брежневым», но и «Жириновским». Читает. Нет, опубликовать не могу. Очень уж лихо в смысле выражений. «Выберите, – прошу, – для наших читателей что-нибудь помягче». Выбрали, наконец:

Нас триста лет татары гнули,
А спины не смогли согнуть.
Но вот за тридцать так согнули,
Что хрен за триста разогнуть.

Давно замечено: художники – народ незакомплексованный, внутренне свободный – ремесло такое. И хоть КГБ не дотянулось до художника, разыскивая ту магнитопленку, но все равно он им как-то уж очень не нравился. Рисует чего-то непонятное. Да и участие Эдуарда Николаевича в 75-м году в выставке «Двадцати» на тогдашней ВДНХ – «не советской, модернистской» – дало прямой повод для набега на его мастерскую. Что искали, не понятно, так, брали на испуг. Даже фельетон напечатали в боевом печатном органе Петровки, 38, газете «На боевом посту». Эдуард Николаевич до сих пор хранит этот номер: в сущности это был тоже анекдот, только на самих себя. Ворвались к нему на чердак сплошь офицеры, в милицейской, разумеется, форме. А он, человек с подвохами и, как вы поняли, не из трусливых, и тут разыгрался. Не дает ключ от одной из своих каморок. «Но, увы, – пишет фельетонист, – майор Пименов надавил на сучок, и тайна запертой двери исчезла». Ну просто майор Пронин, выезжающий из унитаза, помните? Читаю: «В комнате стояли два самогонных аппарата», – и спрашиваю художника: «Правда?». Да вот эта бутыль с растворителем стояла, врут, с... Еще забрали старые наручники и кандалы. Я говорю: «Майор, как же я теперь декабристов-то рисовать буду?»

За Дробицким дело не стало, письмо в Министерство внутренних дел: обыск-то был без ордера. Все вернули, и наручники с кандалами.

Художник Дробицкий и его павлины.

Я уже говорила, что Эдуард Николаевич – человек непредсказуемых действий. Ту пленку, что хранилась у Кирилла Столярова, сам отнес в КГБ заместителю Андропова. Проехало. Но ход неожиданный. А у Дробицкого все так. Художник, одним словом.

Вот, например, в его мастерской живут два павлина. Степенно расхаживают, перышки жарптицины неслышно роняют, семечки от арбузов клюют. Он купил их пять лет назад, а теперь вот и инкубатором обзавелся. «Павлинчиков выводить будете, – говорю, – ферма?». «Нет, это на подарки друзьям. Меня очень занимает вопрос, будут ли у них на клювиках темные очки? Я же ношу».

Не удержались мы с фотокорреспондентом Юрой Кочетковым и сняли очень понравившуюся нам работу Эдуарда Николаевича «Пушкин и Высоцкий». Правда, не оригинал. Тот куплен Копенгагенским музеем. Одна из немногих проданных ими работ за рубеж.

Да, забыла. Когда в 75-м году Дробицкий выставился в числе «Двадцати» одиозных на ВДНХ, и газеты, естественно, втоптали в грязь имена этих художников, «Союзпечать», где нам пришлось вместе работать, решила проявить коммунистическую солидарность и созвала собрание в осуждение тихого, на первый взгляд, плакатиста.

Этот паноптикум, возглавляемый тогдашним начальником «Союзпечати» Г. Фроловым, не видел той выставки. Эдуард Николаевич, помню, спокойно прошел в кабинет начальника и по вертушке связался с кем-то из известных ему сотрудников горкома, попросив «прекратить цирк». И цирк закончился. Правда, все были в шоке от «наглости» Эдуарда Николаевича. Просто мало кто знал ему цену тогда. А он ее никогда и не выставлял. Андеграунд, одним словом.

Работа Дробицкого: «Пушкин и Высоцкий».

Татьяна ГЛИНКА